

ЭТЪН ВЫЗЫВАЕТ «ДИРЕКТОРА»

«... В те суровые годы он вел себя как герой, был верен своему долгу...»

В начале 19–20-х годов молодая Страна Советов восстанавливала разрушенное гражданской войной народное хозяйство. Формировалась и крепла Рабоче-Крестьянская Красная Армия, готовясь охранять рубежи своего государства. ...Заместитель начальника разведывательного управления РККА Ян Карлович Берзин («Старик», «Директор»), не замечая сгустившихся сумерек, внимательно изучал, склонившись над своим рабочим столом, отобранные для него личные дела выпускников школы комсостава. Его особое внимание привлекло одно дело. «Лев Ефимович Маневич, – едва шевеля губами, читал

Берзин откинулся на спинку кресла и глубоко задумался. Прекрасное инженерное образование, немецкий, французский и итальянский языки... а главное, этот человек уже был адаптирован к жизни за границей. Оставалось только обучить его премудростям работы разведчика.

«Поразительная удача, – подумал Ян Карлович, возвращаясь к личному делу. – В Россию братья вернулись летом 1917 года и с головой окунулись в революционную деятельность. В 1918-м Лев добровольцем вступил в Красную Армию, сражался на разных фронтах, закончил войну комиссаром бронепоезда».

С тех пор судьба Маневича была предрешена. В 1925 году Лев Ефимович с отличием оканчивает Академию РККА, и его направляют в первую боевую командировку в Германию.

Берзин биографию молодого командира, уже успевшего повоевать на фронтах гражданской войны, – уроженец гор. Чаусы Могилевской губернии. Брат Яков с молодых лет в РСДРП(б), революционер-подпольщик. В 1905 году осужден на каторжные работы за хранение оружия и взрывчатки. Вместе с группой осужденных совершил дерзкий побег из Бобруйской крепости. Удалось эмигрировать в Швейцарию. Сюда весной 1907 года товарищи доставили младшего брата после смерти матери. В Цюрихе мальчика устроили в политехнический колледж...».

Затем, в 1927 – 1928 годах, он проходил службу в Разведупре начальником отдела. Однажды Маневича пригласил к себе Берзин. Приветливо встретил его, усадил в кресло возле небольшого столика, где их ожидали два стакана крепкого душистого чая с лимоном.

– Как дела, как служба, семья? Есть ли бытовые трудности? – засыпал подчиненного вопросами Ян Карлович.

– Да все вроде в порядке, просьб нет, – смущенно отвечал Маневич. – Хлебнули мы лиха на войне, Ян Карлович, теперь радуемся мирной жизни. – А потом, задумавшись, Лев Ефимович сказал: – Беспokoит только одно: надолго ли нам отпущено жить в мире, удастся ли сохранить его? Уж больно недобрые сообщения шлют наши товарищи из Европы.

– Это верно, – подтвердил опасения коллеги Берзин, – ситуация непростая. Воевать нам очень не хотелось бы, но быть готовыми даже к худшей ситуации мы обязаны, а для этого нужно срочно вооружать армию современным оружием. Сам понимаешь: на тачанке нынче не повоюешь. Вспомни слова Сталина на совещании хозяйственников: мол, отстали мы от передовых стран на 50 – 100 лет, а пробежать их нужно за 10 лет. «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.»

– Вот поэтому и решили мы отправить тебя поучиться летному делу. Это тебе скоро пригодится, – закончил разговор бригадный комиссар. Он уже тогда готовил Маневичу особое задание.

Имея инженерное образование, Лев Ефимович успешно осваивал

самолеты на курсах при академии имени Н.Е.Жуковского. В программу обучения входило и пилотирование самолетов.

...«Вынослив, зачастую работает с перегрузкой... Может командовать эскадрильей... Обещает быть хорошим командиром отдельной авиачасти и не менее хорошим руководителем штаба» – так аттестовали Льва Маневича по окончании академии. Однако там не знали, что ему предстоит вскоре другая, еще более сложная и опасная работа, требующая куда больших перегрузок.

И вот Маневич снова у Берзина – получает последние инструкции перед отправкой в командировку.

СЫНОВЬЯ ОТЕЧЕСТВА

– Главной целью будет Италия, – расхаживая по кабинету, сосредоточенно говорил Ян Карлович, – там расположены наиболее совершенные судостроительные и авиационные заводы, ведутся разработки новых видов вооружений. Кое-что нами в этом краю уже сделано, но имеющихся источников информации будет недостаточно, поначалу придется сконцентрировать все усилия на создании работоспособной резидентуры с хорошими агентурными возможностями. Легализуешься в Австрии и уже потом отправишься в страну пребывания. Сам понимаешь, из Москвы всего не предусмотреть: рассчитываю на твою осмотрительность, опыт и... на удачу. Пусть она

тебе не изменяет. Заверить твердо могу лишь в одном: помогать будем всеми своими возможностями.

Не склонные к сентиментальности разведчики все же крепко, по-мужски обнялись на прощание.

«Старик»

Под этим именем вошел в историю советской военной разведки Ян Карлович Берзин – один из ее основателей.

В начале декабря 1920 года начальник особого отдела 15-й армии Я.К.Берзин получил телеграмму-молнию от председателя ВЧК Ф.Э.Дзержинского. В Москве ему вручили приказ о назначении на службу в Регистр-управление – так в то время называлось первое в истории молодой Красной Армии разведывательное управление. Создание военной разведки нового типа было вызвано острой необходимостью: армия нового типа не могла существовать без нее.

Отремели в России залпы гражданской войны и вооруженной интервенции. Советская власть выстояла, страна приступила к мирному созидательному труду, крепла мощь государства. Но с этим не могли смириться его многочисленные враги. От открытой вооруженной борьбы они перешли к другим, скрытым ее формам: экономическая блокада, шпионаж, диверсии – все было пущено в ход. В такой ситуации разведка должна была знать обо всех заговорах, знать, кто и где их замышлял. Поэтому день за днем беспокойно было в невысоком шоколадного цвета доме, затерявшемся в одном из укромных московских переулков: здесь размещалась военная разведка.

Геннадий СЕНЮКОВ,
член Белорусского союза журналистов.

(Продолжение следует.)

ЭТНЫ ВЫЗЫВАЕТ «ДИРЕКТОРА»

(Продолжение. Начало в номере за 30 мая).

Дзержинский неохотно отдавал Яна Карловича в новую службу, но пришлось руководствоваться стратегическими интересами страны. Он был убежден, что Берзин не подведет, на него можно было положиться в самой трудной ситуации. И Дзержинский не ошибся.

21 декабря 1921 года Я.К.Берзин был назначен заместителем начальника Разведуправления штаба РККА.

Старик погрузился в сложную работу. От него ждали почти невозможного: он должен был безошибочно и своевременно информировать командование о любой попытке нового нашествия, знать, какие козни плетутся в штабах армий наших противников, добывать информацию об их военном потенциале, о новых видах оружия, о том, какие воинственные заговоры вынашиваются в Берлине, Лондоне, Париже, Риме, Токио...

Сразу стало понятно, что такая работа требует основательных знаний. Пришлось поступить в Пролетарский университет. Заниматься Берзину приходилось в основном по ночам — другого времени было не найти.

Служить в разведке, не зная практической ее специфики, было невозможно, и в 1922 году Ян Карлович отправляется в продолжительную командировку: Прага, Варшава, Берлин. Пришлось сменить военную форму на гражданский, добротный сшитый костюм, украсить лицо золотым пенсне, изменить фамилию на Дворецкий...

Жизнь Берзина в то время год за годом складывалась как бы из ежедневных сеансов для одновременной шахматной игры на множестве досок. Зачастую она была чисто интуитивной. В игре, которую вел день за днем Старик, он имел дело не с пешками, а с людьми, каждый из которых был личностью и годился по меньшей мере в короли. Противниками же его в этой виртуальной игре, в этой битве интеллектов выступали поистине зубры британской Секрет Интеллидженс Сервис, германского абвера, французской Сюртэ, польской «двуйки», румынской сигуранцы. Всех своих противников, их слабые и сильные стороны Старик предостояло знать досконально.

Когда Яна Берзина провожали из особого отдела ВЧК 15-й армии, его сотрудники всерьез пригорюнились: жаль было расставаться с боевым, умным начальником. На прощание они подарили ему именную портсигар и адрес, в котором эти суровые люди не очень умело, но искренне, безо всякой лести признались в своем глубоком уважении к Яну Карловичу. И даже несколько странно по тем временам звучала фраза из адреса о «большом гуманизме» товарища Берзина. А он и впрямь славился редкой душевностью, скрупулезной осмотрительностью во всяком деле, безграничным уважением к людям. Вместе с тем все знали о его требовательности к подчиненным: слово Старика было законом для каждого сотрудника. Как правило, Старик не командовал по-армейски, не приказывал. Он просил... И этого было достаточно.

Берзин высоко ценил и уважал Ф.Э.Дзержинского, часто обращался к нему за советом и помощью. Неоценимые плоды давало их деловое и товарищеское сотрудничество. Феликс Эдмундович множество раз приходил Берзину на помощь, подбрасывал идеи, помогал решать, казалось бы, неразрешимые головоломки, исподволь приучая его работать самостоятельно.

Год за годом нескончаемой чередой проходили через кабинет Берзина никому не известные, но предельно самоотверженные, до конца преданные Родине люди. Всегда собранный, сосредоточенный Рихард Зорге, умело скрывающий свое волнение интеллигентный Маневич, экспансивный, отважный болгарин Иван Винаров... Они уходили за кордон, убежденные в правоте своего дела, храбро вступали в бой с сильным противником, свято веря, что и один в поле воин.

Отправив на задание очередного своего разведчика, Старик потом не спал ночей, пока на его стол не ложилась долгожданная радиограмма о благополучном прибытии и легализации товарища.

Советский военный разведчик... Прежде всего это исполненный убежденной веры советский человек, патриот и интернационалист, выполняющий опасные задания во имя идеалов мира и прогресса. Его мораль была всецело подчинена интересам рабочего класса, интересам социализма.

Берзин глубоко уважал и любил своих разведчиков и делал все, что в человеческих силах, чтобы помочь им успешно выполнить задания, уберечь их от беды, если такая угроза возникала. С большим вниманием и чуткостью он опекал родных и близких своих соратников. Потому что понимал, как важно людям, ежечасно рисковавшим головой на чужбине, знать, что дома, в семье у них порядок — Старик за всем присмотрит, обо всех по-отечески позаботится.

Не из служебного психологического расчета, а по велению сердца обнимал Старик на прощание своих посланцев-профессионалов — все они были его воспитанниками, и он отправлял их на бой, как сыновей, всегда давая понять, что верит в них как в самого себя.

Первостепенное внимание Берзин уделял подбору кадров. Он отдавал предпочтение патриотам, преданным Отечеству, идейно убежденным людям. Ценил в каждом сотруднике силу воли, твердость характера, неподкупность, готовность к самопожертвованию. Знал, насколько важно иметь разведчику такие качества, как наблюдательность, умение тонко анализировать и оценивать увиденное и услышанное.

Лучших своих помощников Старик отбирал сам. Ему требовались не просто отчаянные смельчаки — незаурядные, выдающегося ума бойцы, с фантазией и воображением, умеющие самостоятельно мыслить, ориентироваться в любой самой сложной обстановке.

Благодаря огромной самодисциплине, удивительной работоспособности и редкой памяти Берзин ежедневно прочитывал с феноменальной скоростью многочисленные донесения и сводки, держал их в голове, делая точные выводы и рекомендации. Он умел сохранять невозмутимое хладнокровие и при неудачах, если они случались, принять единственно верное решение для выхода из сложной ситуации.

Неверно говорят порой, что Берзин был простым человеком (так часто с восхищением описывали его бывшие подчиненные). Да, он был прост в общении, не терпел высокомерия и зазнайства, не терпел приказного тона. Поддерживал со всеми сотрудниками ровные, товарищеские отношения, охотно участвовал в редких загородных пикниках вместе со всем коллективом, играл в волейбол и городки. Но как военный руководитель, занимавший важный государственный пост, он был отнюдь не прост.

Это был человек огромных, многогранных способностей, блестящего ума — словом, недюжинный человек. И недаром многочисленные аттестационные комиссии Наркомата обороны, всесторонне проверяя работу начальника Разведупра, неизменно делали вывод: «Вполне соответствует занимаемой должности».

Нарком обороны К.Е.Ворошилов так характеризовал Берзина: «Преданный большевик-боец, на редкость скромный, глубокоуважаемый и любимый всеми, кто с ним соприкасался по работе. Товарищ Берзин все свое время, все свои силы и весь свой богатый революционный опыт отдавал труднейшему и ответственнейшему делу, ему порученному...»

С осени 1936 года Ян Карлович под фамилией Гришин выполнял ответственные задания в Испании. А в конце мая 1937-го его срочно отозвали в Москву. Здесь к ордену Красного Знамени на его груди прибавился орден Ленина. Берзину присвоили звание армейского комиссара 2 ранга, его назначили начальником Разведывательного управления.

В июле 1938 года Ян Карлович был репрессирован и погиб... Но этого Маневич так и не узнал.

Геннадий СЕНЮКОВ,
член Белорусского союза журналистов.
(Продолжение следует).

ЭТЬЕН ВЫЗЫВАЕТ «ДИРЕКТОРА»

(Окончание.)

Начало в номерах
за 30, 31 мая и 1 июня.)

Маневич ощущал приближающуюся опасность, беспокоились об этом и в Центре, но найти еще одного проверенного человека, совмещавшего в себе уникальные способности лётчика, коммерсанта и разведчика, оказалось просто невозможно. Подобного Маневичу человека, способного в полной мере взять в свои руки руководство итальянской резидентурой, у Разведупра попросту не было.

Тем не менее 25 августа из центра пришёл положительный ответ: «Наконец мы в состоянии выполнить вашу просьбу о замене. Кандидат уже подготовлен и в конце сентября может выехать и принять от вас дела. Естественно, некоторое время вам придётся поработать вместе с ним, пока он не освоится с обстановкой. Ваш преемник хорошо знает французский, болгарский и турецкий языки. По диплому и по образованию — инженер-электрик. Просит сообщить своё мнение — какая «крыша» будет для него надёжней. Надемся на скорое свидание».

***

Однако новый резидент из числа болгарских коммунистов-политэмигрантов с Этьеном так и не встретился. Скорого свидания с товарищами тоже не состоялось... 3 октября Маневич был арестован по доносу одного из своих источников, завербованного итальянской контрразведкой.

Льву Ефимовичу было предъявлено обвинение в шпионаже. В обвинительном заключении ему вменялось в вину нелегальное приобретение чертежей различных типов самолётов. 9 февраля 1937 года Этьен был осуждён Особым трибуналом по защите фашизма на 16 лет тюремного заключения (позднее этот срок был снижен до 6 лет). В приговоре отмечалось, что подсудимый, возможно — не тот человек, за которого он себя выдаёт. Но «точное установление личности Конрада Кертнера не интересует трибунал. То, что Конрад Кертнер — иностранец, несомненно, а кто он по национальности — не имеет значения при оценке содеянного преступления».

...После вынесения приговора Маневич был направлен в тюрьму Кастельфранко дель Эмилия, где значился как узник № 2722.

Но самым поразительным в судьбе нашего разведчика, не имеющей аналогов в мировой практике разведки, было то, что Этьен и из тюрьмы умудрился направлять сообщения в Центр, создав канал связи с ним через заключённых-коммунистов, непримиримых борцов с режимом Муссолини.

При помощи заключённых, ранее работавших на заводах «Капрони», он составил и передал в Центр анализ недостатков и изъянов нового прицела для бомбометания фирмы «Цейсс». Сообщение это включало в себя миниатюрные схемы: как укреплен прицел возле сиденья штурмана, как штурман производит расчёты, делая поправки на скорость и высоту полёта, с какой высоты производится бомбометание. Другими донесениями «Директору» (Центру) стали тактико-технические характеристики неоплаемого крейсера, который строился тогда на верфи близ Генуи, специфика ночного бомбометания в Абиссинии, рецепт броневой стали, пересланный с заводов Круппа на заводы Ансальдо. Однако самой значительной информацией того времени от Этьена было сообщение о срочном заказе на самолёты, не боящиеся мороза, полученном итальянскими авиазаводами от Японии. Это означало, что японцы планируют вскоре вести боевые действия, скорее всего, в суровых климатических условиях Манчжурии, Монголии и советского Дальнего Востока. Этот сигнал перекликался с информацией Рихарда Зорге, что придавало оперативным данным последнего дополнительную убедительность.

В июне 1937 года начальник Разведупра Ян Берзин подписал Льву Ефимовичу аттестацию на присвоение звания полковник. В ней отмечалось: «Спокойный, широко образованный и культурный командир, волевые качества хорошо развиты, характер твёрдый. На работе проявил большую инициативу, знание и понимание дела. Попав в тяжёлые условия, вёл себя героически, показал исключительную выдержку и мужество. Так же мужественно продолжает вести себя и по сие время, преодолевая трудности и лишения. Примерный командир-большевик, достоин представления к награде после возвращения».

Но он не возвратился... Хотя в Москве не забывали о попавшем в беду разведчике. Разведупр планировал акции по его освобождению, начиная с чисто юридической поддержки и заканчивая проработкой вариантов побега. Маневича постоянно поддерживали деньгами, на которые он покупал продукты, что позволяло поддерживать начинавшее уже расшатываться здоровье. Берзин в шифровках новому резиденту в Италии настоятельно требовал: «Делайте всё для облегчения участи Этьена. Ищите пути для материальной поддержки, не жалейте средств. Держите меня в курсе дела, обещаю свою помощь. Дружески — «Старик».

Подать прошение о помиловании оказалось занятием бесполезным — политическая подоплёка дела лишала затею даже тех мизерных шансов в расчёте на благосклонность короля Италии, которые иногда выпадали на долю уголовников. К тому же Маневич категорически отказывался ходатайствовать о помиловании. Он заявлял, что красный командир ни у кого милости просить не будет, а тем более у фашистов.

Новый резидент в Италии составил справку о тюрьме Кастельфранко дель Эмилия. Рассматривались три варианта побега, два из них были основаны на привлечении боевой группы. Но реализовать их не удалось — весной 1941 года заболевшего туберкулёзом заключённого № 2722 перевели на юг Италии, в каторжную тюрьму на острове Сан-Стефано.

Маневич находился там до 9 сентября, когда остров захватили американские войска. Политические заключённые были освобождены, на арендованном паруснике они отправились в Газту.

Свобода казалась уже реальной,

почти осязаемой, но буквально за день до прибытия парусника Газту заняли немецкие войска... И через несколько дней Маневич был вновь арестован. Заключение его не особенно пугало, опасение вызывало другое: замаячила вероятность разоблачения, поскольку Кертнера как австрийца должны были депортировать в Австрию — в общину Галабруни, из которой он, по легенде и поддельным документам, происходил и где он моментально был бы уличен во лжи.

Этьен серьёзно задумался о создавшемся положении, но и тут помог случай. В арестантском эшелоне узник сумел обменять свою куртку на куртку умершего от тифа русского военнопленного Яковлева. По прибытии в австрийский лагерь Эбензее Маневич объяснил охранникам, что произошло недоразумение: фамилия его не Яковлев, а Яков Старостин. Эта уловка позволила разведчику сочинить новую легенду, поскольку Старостин был его давним другом, и уж его-то биографию Маневич знал хорошо. Действительно, новая легенда у немцев подозрений не вызвала.

В лагере Лев Ефимович тесно сошёлся с бакинцем Грантом Айрапетовым, бывшим офицером штаба 3-й танковой армии. Их сблизило участие в подпольном штабе Сопротивления.

***

Лагерь Эбензее был освобождён американскими войсками 1 мая 1945 года. Многие теперь уже бывшие его узники, разместились в «Спортотеле» городка Штайнкогель на берегу реки Зее.

Радость от освобождения и окончания войны тем не менее не придала Этьену новых сил, они оставляли германского нашего земляка. В последней записке домой он писал: «Надюша, милая, береги себя. Может всё случиться в моей жизни, и тебе придётся одной воспитывать нашу дочь. Воспитавай её честным, правдивым человеком, настоящим коммунистом».

Этьен слабел, но память его не тускнела, сохраняла натренированную остроту и точность. В Маутхаузене, Мальке, Эбензее он в дополнение к шести языкам, которыми владел раньше, начал говорить по-чешски, по-польски, по-сербски.

Кем он только не был в последние годы... Этьен. Конрад Кертнер. Узник № 2722, Чинкванто Чинкве. Арестант № 576 Яковлев. Старостин, заключённый R-133042.

К нему обещали привезти врача. Кто-то делился последними новостями. А он всё беспокоился, не появились ли представители советских войск: по всем расчётам, наши были уже где-то совсем близко.

Айрапетов спросил Старостина, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Всё хорошо. А чувствую себя плохо...

Старостин Маневич заходил в кашле, был как никогда бледен.

Наступали сумерки, Айрапетов накрыл друга шинелью.

— Держись, Яков Никитич, нужно ещё победу встретить, — сказал он и, едва положив голову на подушку, заснул. Во сне померещилось, что его кто-то душит... Оказалось, это Старостин приподнялся на своей кровати и тянул Айрапетова за ворот рубахи.

— Сергей...

— Что случилось, Яков Никитич?

— Не увижу... Не вернусь... Запомни: будешь в Москве, зайди... — Он задыхался, каждое слово давалось с трудом. — Передай, что я — Этьен, я не Старостин. Сделал что мог. Чтобы семья не оставили... Запомни — Этьен... Наде и Тане...

Маневич с трудом поднял веки, попытался сказать ещё что-то, но не смог — кровь хлынула горлом.

...На могиле Маневича поставили крест с надписью «Здесь покоится советский полковник Старостин Яков Никитич».

Справедливость была восстановлена в 1965 году, только через 20 лет, когда в «Правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «За доблесть и мужество, проявленные при выполнении специальных заданий Советского правительства перед второй мировой войной и в борьбе с фашизмом, присвоить полковнику Маневичу Льву Ефимовичу звание Героя Советского Союза посмертно».

Останки Героя перенесли из долины реки Зее в город Линц, на кладбище Санкт-Мартин, где покоятся павшие советские воины. На мраморной плите начертано: «Герой Советского Союза Л.Е.Маневич».

***

На его Родине, в Беларуси, помнят Льва Ефимовича и гордятся им.

Воспитанники школы-интерната города Чаусы вели обширную переписку с теми, кто близко знал Л.Е.Маневича, встречался с ним. Здесь оформили мемориальную комнату со стендами о легендарном разведчике. Неоценимую помощь в этом оказали жена Маневича Надежда Дмитриевна и дочь Татьяна Львовна, в те годы работавшая преподавателем Высшей школы КГБ СССР имени Ф.Э.Дзержинского, а также Грант Айрапетов, на руках у которого умер Лев Ефимович.

Уникальный материал прислал также связной Этьена в лагере Эйжен Веверис. А в 1977 году Минск посетили итальянцы Мауро Беготи и Франческо Омадео, делившие с нашим земляком тяготы тюремного заключения. Это Мауро Беготи принадлежат такие слова: «... Лев Маневич действительно заслужил звание Героя Советского Союза. В те суровые годы он вёл себя как герой, был верен своему долгу».

Разведчик Маневич ушёл из жизни, но для нас он навсегда останется человеком беспримерного подвига, образцом преданного служения Отчизне.

Невольно вспоминаются слова Льва Ефимовича, которые могут считаться его завещанием потомкам-патриотам: «... Я могу выдавать себя за австрийца, я могу ходить в коммерсантах, могу вести двойную жизнь. Но честь-то у меня одна и достоинство тоже одно! Вот так один пояс полагается красноармейцу и для шинели, и для гимнастёрки. И никакого другого ему не положено...».

Геннадий СЕНЮКОВ,
член Белорусского Союза журналистов.